

СЕВЕРЯК

Ю л и я Г е р и н а

Юлия Герина

СЕВЕРЯК

<https://litres.ru/74144714>

SelfPub; 2026

Аннотация

Находка. Судоремонтный завод, старые бараки, ледяной ветер.

Люба работает медсестрой в заводском здравпункте. У неё за плечами — детдом, смерть единственной близкой женщины и череда неудачных отношений. Кононов — её сосед, угрюмый судомеханик с огромным алабаем.

Два года они говорят друг другу только «Здравствуйте».

Но однажды ночью он спасает её, и их молчаливый мир даёт трещину.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

СЕВЕРЯК

Глава 1

Город Находка

Любу носило по мужикам хаотично. То с прорабом из управляющей компании сойдётся. То инженера из заводского офиса подцепит. Был и писатель, и официант, и водитель. Даже капитан дальнего плавания, поматросивший её три месяца побывки и уплывший в закат на нефтяном танкере.

Уже несколько недель Люба жила одна. Смирившись с одиночеством, она не стремилась найти нового сожителя. Но, стоя пасмурным осенним утром у плиты, печально вздыхала, глядя на одинокое яйцо на сковородке. А вечером, вернувшись с работы, сидела у телевизора в полутёмной квартире, ругая себя за то, что опять забыла купить лампочки на замену перегоревшим. И лишь болтовня с Ворчуном, старым тощим котом, доставшимся ей от умершей соседки, разгоняла тишину, наступающую из тёмных углов.

Сегодня Люба возвращалась домой не одна. Вместе с ней в подъезд вошёл Анатолий, молодой программист. Они познакомились в супермаркете, когда она неосторожным движением снесла с нижней полки стопку консервов. Рухнув с жутким грохотом, банки раскатились по грязному полу. Стоявший рядом Анатолий, весело подмигнув, помог заново вы-

строить железную пирамиду, заодно пригласив её на свидание.

Они встречались уже неделю, и Люба, взвесив все за и против, с тайной, ещё ни разу не оправдавшейся надеждой, была готова впустить его в свою жизнь.

Дёрнув покосившуюся дверь старого двухэтажного барака, двадцать лет числящегося в программе расселения ветхого жилья, парочка вошла в подъезд. Осторожно ступая по скрипучим деревянным ступеням в слабом свете мигающей лампочки, они поднялись на второй этаж.

Люба уже вставила ключ в замочную скважину, когда дверь соседней квартиры распахнулась. Глухое, утробное рычание, от которого дрожь пробежала по позвоночнику, эхом пронеслось по лестничным пролётам. Хриплый, яростный лай, последовавший за ним, заставил молодых людей оцепенеть.

Огромный мощный алабай стремительно выскочил на площадку и замер, опустив массивную голову, буравя Анатолия немигающим взглядом.

Программист отступил к стене, переместившись за невысокую, худенькую фигуру Любы.

С металлическим лязгом ключи выпали из замочной скважины.

— Что там, Цербер?

Из квартиры напротив вышел не менее мощный, под стать своему псу, Любин сосед.

— А-а-а... — как-то многозначительно протянул он, бросив быстрый взгляд на гостя соседки. — Понятно. — А затем посмотрел на Любу. — Добрый вечер.

— Сколько раз вас можно просить надевать на собаку намордник? — ошетибилась Люба, игнорируя приветствие.

— Хм... Зачем? Цербер и мухи не обидит.

— Вы идиот? Он пугает людей!

— Его, что ли? — Сосед с едва заметной долей презрения кивнул в сторону её потенциального сожителя.

— Вы дождётесь! Я напишу жалобу в полицию!

— Пиши. — Мужчина равнодушно пожал плечами. — Пошли, Цербер.

— Урод.

— Шалава.

— Кто это? — Анатолий отклеился от стены, как только жуткая парочка скрылась из виду.

— Судомеханик. На одном заводе работаем.

Программист надолго не задержался. И в этом не было Любиной вины. Она старалась как могла. Ужин, стирка, уют... Но её в очередной раз ждало разочарование.

Ей хотелось сидеть вместе у телевизора. Анатолий сидел у ноутбука. Ей хотелось вместе ложиться спать. Анатолий укладывался под утро, не замечая Любиного будильника, звонко трезвонившего через час. Совместные завтраки и ужины так и остались её фантазией.

Продержавшись пару месяцев, Люба огорчённо, но твёрдо попросила Анатолия уйти. Тот не сопротивлялся. Засунув выглаженную стопку футболок в рюкзак, он беззвучно исчез из её жизни.

Рефлексией Люба себя никогда не мучила. Жизнь продолжалась. И она, сменив постельное бельё, жила дальше, выкинув из головы очередной неудачный опыт.

Глава 2

Вернувшись после смены с судоремонтного завода, Люба устало опустилась в кресло перед телевизором. Добираясь домой, она вымокла до нитки. Промозглый дождь, пахнувший прелыми листьями и землёй, не прекращался вторые сутки. Зонт вырывало порывистым ветром, ледяные капли били по лицу и стекали ручейками под ворот куртки.

На колени запрыгнул Ворчун. Урча, свернулся калачиком, и Любе вспомнилась его старая хозяйка, которая раньше жила в квартире напротив.

Когда в день своего восемнадцатилетия Люба покинула детский дом и пришла в выделенную квартиру в полуразвалившемся доме, баба Маша заменила ей и мать, и бабушку. Дезориентированную, растерянную, беспомощную девушку она взяла под свое крыло и помогла устроиться в этой жизни.

По подсказке бабы Маши Люба окончила медицинский колледж, получила профессию медсестры, а затем устроилась на судоремонтный завод в здравпункт, где работала уже около пяти лет.

Окружая друг друга теплом и заботой, они жили на две квартиры. Люба присматривала за старушкой и ее котом, а они за Любой.

Баба Маша умерла около трёх лет назад. В тот день Люба, вернувшись с ночной смены, забежала к ней с еще теплы-

ми заводскими булочками. В комнате, пронизанной лучами утреннего солнца, старушка спала на любимой перине вечным сном.

Люба снова осталась одна.

Первый, кого она привела к себе домой, был прораб. Это случилось через месяц после смерти бабы Маши. Он помог ей освободить муниципальную квартиру соседки перед въездом новых жильцов. Взрослый, хозяйственный. Любе казалось, что в его лице она нашла ту опору, которой ей так не хватало все это время. Позже она узнала, что он был опорой для половины одиноких женщин района. Следующий — инженер. Он починил электропроводку в квартире, а потом ушёл в запой на несколько недель. За ним — писатель, распускавший руки, когда не писалось.

В беспорядочных поисках Люба не давала себе передышки. Как только очередной кандидат исчезал из ее квартиры, она предпринимала новую попытку. Мужики липли к ней, как мухи на варенье. Но прилипнуть к кому-то надолго сама она никак не могла.

В квартиру напротив, где раньше жила баба Маша, через полгода въехал огромный, угрюмый мужик с до чертиков пугающей её собакой. Через пару дней в новом судомеханике, пришедшем на медосмотр, она узнала своего соседа. Виктор Кононов здоровался сквозь зубы и никогда не улыбался. Поначалу Люба побаивалась его не меньше собаки. Их первая встреча на заводе лишь усилила зарождающееся напря-

жение.

В то утро в здравпункте Люба была не одна. К ней забежал Леша, инженер из заводского офиса. Их роман только набирал обороты. Парень, зажав её около двери, притянул к себе и полез целоваться. Именно этот момент выбрал Кононов для посещения здравпункта. Его замешательство, в отличие от Любиного, длилось недолго.

— Скажете, когда закончите. Я подожду в коридоре. — И он захлопнул за собой дверь.

После этого случая чувство неловкости в присутствии нового судомеханика не отпускало Любу. Каждый раз, проводя медосмотр, она не поднимала на него взгляд. Говорила сухо и по делу. Он отвечал ей той же монетой.

Слухи о Любином вечном поиске давно ходили по заводу. Ей было все равно. После неудачного романа с водителем погрузчика она предпочла искать свою вторую половину за заводскими стенами. Но на работе слухи не утихали. Всегда находился урод, который хвастался несуществующей победой, хотя Люба выставила его ещё на пороге здравпункта. И если для сослуживцев число ее сменяющихся сожителей было неопределенным, то скрыть их от Коконова, живущего по соседству, было невозможно.

Глава 3

Вечерний туман на берегу залива был пронизан привычным запахом мазута и окалины. В серых влажных сумерках Люба бежала в здравпункт в ночную.

Её не беспокоило, что в этом месяце сменщица отдала ей почти все ночные смены. Они спасали от ужина на пустой кухне, холодной постели и зябкого утра в ванной, где у стаканчика с одинокой зубной щёткой с хлопком загоралась газовая колонка.

Из темноты под килем строящегося судна появился огромный белый призрак и медленной трусцой направился напрямик к Любе. Она замерла, на автомате вскинув руку к горлу, сдерживая готовый вырваться крик.

— Цербер!

Хозяин пса так же неожиданно шагнул из тумана, оказавшись от неё в десятке шагов.

Люба оторвала остекленевший взгляд от собаки.

Мощная фигура в рабочей куртке, покрытой россыпью разномастных пятен, вязаная чёрная шапка, упирающаяся в брови.

Кононов сделал несколько шагов вперёд. В руке сверкнул огонёк сигареты. В нос ударили запахи табака и солярки.

— Добрый вечер! — Низкий, глухой голос вывел из транса, и её затрясло.

— Маньяки. — Тихий, почти спокойный тон Любы прозвучал громче крика.

Она резко развернулась и побежала к здравпункту, не обращая внимания на лужи, по которым шлёпали её светлые кроссовки.

Всю ночь перед глазами Любы стояло суровое лицо с кривым, сломанным носом, широким твёрдым подбородком, покрытым щетиной. И глаза. Тёмные, глубоко посаженные. Безразличные.

Сколько они жили и работали рядом? Кажется, больше двух лет. За это время они вряд ли перекинулись и двумя десятками слов, если не брать в расчёт приветствия. Люба легко сходилась с людьми и тяжело расходилась. Кононов, похоже, не сходилась ни с кем вообще. За всё это время она ни разу не видела, чтобы он привёл кого-нибудь к себе в квартиру. У него не бывало ни гостей, ни женщин. Точно — маньяк.

Под утро громкий стук в дверь нарушил лёгкую дрему Любы. Она сидела на стуле в кабинете, подперев голову ладонью, когда вслед за резким звуком дверь распахнулась и на пороге появился Кононов.

Люба тряхнула головой, сбрасывая остатки сна.

— Помогай, — прозвучала резкая команда.

Она вскочила и вмиг подлетела к двери.

Судомеханик подхватил под мышки Семёна Петровича,

заводского ветерана-такелажника, старейшего работника завода.

— Господи! Семён Петрович! — Люба подставила своё плечо с другой стороны, помогая пожилому человеку добраться до кушетки. Он заметно приволакивал ногу, морща от боли и без того морщинистое лицо. — Что произошло?

— Ох-х... — Семён Петрович, завалившись на кушетку, попытался сбросить грубый рабочий ботинок с уже заметно раздувшейся ноги. — Дурак старый. Что тут скажешь...

— Подождите, не спешите. Дайте я сама, аккуратно. — Люба села на корточки и начала расшнуровывать обувь. Затем вскинула взгляд на Кононова. — Так что произошло?

— Ступню зажал стропой.

— Ох-х, осторожнее, девочка, осторожнее. — Пожилой такелажник стиснул зубы, когда Люба начала медленно снимать ботинок. — Сам виноват. Виктор попросил запасной поршень оттянуть, чтобы к сальнику вала пролезть, а я, лопух, стропу плохо завёл. Что там?

Люба осторожно ощупала ногу и обратилась к Кононову:

— Помогите уложить его. Нужно поднять конечность до приезда скорой.

— Скорой? Люба, зачем? — Косматые брови сошлись над переносицей.

— Чтобы рентген сделать. Кости вроде целы, но лучше перестраховаться.

— Хм... Придумали тоже. Делов-то! Обезболить и за-

быть. На мне как на собаке.

— Я вам сейчас укол анальгетика сделаю, зафиксирую ногу и приложу холод. Лежите.

Люба засуетилась, забыв про Кононова, стоящего у двери.

— Я могу идти?

Она вздрогнула. Чёрт. Виктор устало прикрыл глаза.

Как же его достала эта нимфоманка истеричная. Чем? Он и сам не знал.

— Да, — бросила она, не поворачивая головы.

Он вышел на улицу. Рассвет уже зажётся над горизонтом, разделив золотой дорожкой залив на две части. Справа в тени, всё ещё укутанные серой дымкой, дремали сопки. Туман рассеялся над заводом, обнажив силуэты строящихся судов на стапельных площадках, нависшие над бухтой краны, суровые стены производственных корпусов, покрытых въевшейся угольной пылью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.